

на 31%, то ко времени заполнения Чебоксарского – почти на 100%. Подчеркнём, что положительный и отрицательный опыт создания искусственных морей на Волге постоянно подвергался анализу, обобщению и использовался на практике.

Однако в течение всего периода строительства Волжского каскада гидроузлов в той или иной степени осуществлению мероприятий по подготовке зон затопления препятствовали такие факторы, как плохая организация, слабая обеспеченность материально-техническими и финансовыми ресурсами и дефицит времени. К тому же проектная документация была не всегда качественной, предоставлялась несвоевременно и часто менялась, что вело к пересмотру объёмов выполнения работ. Всё это приводило к дезорганизованности, недостатку стройматериалов, транспорта, денежных средств, рабочей силы, плохому водоснабжению и нехватке земельных участков на новых местах, а в конечном итоге – к частому срыву планов и систематическому изменению сроков фактического исполнения мероприятий. Как правило, запроектированные объёмы работ по водохранилищам к началу их заполнения редко выполнялись полностью, поэтому их реализация продолжалась в дальнейшем. Наиболее характерными указанные факторы были для водохранилищ 1930 – 1950-х гг.

Показательно, что мероприятия по подготовке территории Саратовского и Чебоксарского водохранилищ в целом были выполнены по сравнению с предыдущими объектами в более полном объёме, в условиях лучшей организации. Этому способствовали такие факторы, как учёт богатого опыта строительства других волжских водохранилищ, более чёткое распределение ответственности между министерствами и ведомствами, улучшение качества проектной документации. Однако в процессе их подготовки проявились и существенные недостатки. Главными из них являлись излишняя централизация работ, чрезмерное затягивание их сроков, отставание в реализации планов, особенно по инженерной защите, а также постоянное столкновение интересов центральной и местной партийно-хозяйственных элит.

Необходимо отметить, что проектирование и последующая организация Чебоксарского водохранилища проходили в новых условиях, основным из которых было ослабление диктата центральной власти и увеличение самостоятельности региональных властных структур.

.....

*Бурдин Евгений Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры музееведения исторического факультета УлГПУ им. И. Н. Ульянова.*

УДК 1(470+571)

А. О. КУРАНОВ

## **А. П. ПЛАТОНОВ, П. А. ФЛОРЕНСКИЙ, В. И. ВЕРНАДСКИЙ. К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА О ЕДИНСТВЕ ПОЗИЦИЙ В ПРОБЛЕМЕ МИРОЗДАНИЯ**

*Анализируются мировоззренческие позиции В. И. Вернадского и П. А. Флоренского в контексте художественной философии А. П. Платонова. На основе сопоставления трёх космо-логических концепций построена гипотетическая модель мироздания.*

Ключевые слова: пневмосфера, ноосфера, биосфера, юродство, философия А. Платонова.

На страницах своих произведений А. Платонов создал пространство образной мысли, с большим трудом поддающееся интерпретации в формах литературоведческого анализа. Уникальные лексические и синтаксические конст-

руктивы выступают здесь в качестве основ художественного мира-лабиринта. Герои Платонова пытаются в нём обрести себя, найти выход из круга «ветхого» существования. Миропроекция, в которую помещены сюжеты платоновских произведений, настолько многогранна, что невозможно раскрыть её структуру, используя известные методы современной герменевтики.

© Куранов А. О., 2011

Ключевой научный вопрос в платоноведении – это выявление «несущей конструкции» авторского образа мира, генетического кода всей художественной системы писателя. Варианты научного объяснения предмета исследования можно свести к следующим позициям: вещество, душа, чувство, сердце и юродство. Выявить доминанту среди перечисленных концептов очень сложно. Каждая из них является составной частью метасюжета, развёрнутого в платоновских текстах, и, вместе с тем, неразрывно связана с другими категориями релятивной эстетики писателя. Любой из компонентов не может существовать отдельно, поскольку во взаимосвязи с другими образует динамическую систему. Каркасом этой системы является ментальность русского человека, который выступает точкой преломления между миром физическим и миром духовным.

В философии А. Платонова – человек из народа, является начальной, и, одновременно, конечной единицей, используемой писателем для строительства идейно-социальной парадигмы. Произведения Платонова телеологичны: каждое содержат в себе множество идей, но все покрываются главной идеей – отражение исторической жизни страны в её подъёмах и срывах, раскрытие драмы русской души.

Платоновская эстетика не вписывается в классические каноны. На протяжении десятилетий российские и зарубежные исследователи называли разные причины этого выпадения писателя из реалистической парадигмы (равно как и из всех других): «вывернутый язык», аномальная стилистика, туманная идеология, юродивая литературная позиция. Всем было понятно, что эти атрибуты не раскрывают истинную картину. Ошибка состояла в том, что использовались традиционные подходы и объяснительные модели, которые не всегда были соотносимы с платоновским творчеством. Чтобы вскрыть все контексты его образно-символической мысли, необходимо выработать новые методы истолкования текста, созданного на пересечении культурных, народно-религиозных и научных смысловых координат. Такая исследовательская стратегия, на наш взгляд, должна выстраиваться на возвращении к эстетическому опыту, синтезирующему традиции национального самосознания.

Проблема изучения платоновских текстов сводится к тому, что они построены не на принципах линейного повествования, а на основе обратной перспективы. Нормативная эстетика в русской художественной литературе всегда стремилась к централизации (в центре произведения стоит доминанта, вокруг которой вы-

страивается сюжет всего произведения). В релятивной эстетике платоновских текстов происходит децентрализация и рассеивание доминант, собрать которые воедино можно, если сориентироваться в современных писателю взглядах на мироустройство, философских и естественнонаучных представлениях о Вселенной.

До 1917 года русское художественное слово было сконцентрировано на человеческой сущности и судьбе России, но затем оно изменяет свой вектор и вновь обращается к поиску первопричин мироздания. Чем обусловлена такая переориентация мысли?

П. Флоренский воспринимал приход советской власти как *апокалипсис*. Многие деятели русской культуры исследуемой эпохи придерживались подобного мнения. Было полное понимание того, что новая власть безжалостно уничтожала в русском народе то, что формировало его как нацию – духовную традицию. Происходило не идеологическое перевоспитание, а постепенное вытравливание из памяти культурно-исторических основ жизни и, прежде всего, – православного мироздания.

Платонова интересовали не только само мироздание, но и устройство его работы. Наиболее точно, философские искания Платонова можно выразить цитатой из работы В. И. Вернадского: «Как правильно сказал некогда Гёте (1749–1832), не только великий поэт, но и великий учёный, в науке мы можем знать только, *как* произошло что-нибудь, а не *почему*» [1, 149]. Платонова, как и всех отечественных представителей художественно-философской мысли 20-х–30-х годов XX века, интересовало *почему*, и на это имелась масса причин.

После 1917 года одним из ведущих направлений в познании мироздания в русской философии и литературе стал космизм. Целый ряд учёных и писателей адресуется к творчеству Н. Ф. Фёдорова, в частности, к его мировоззренческому итогу – философии «общего дела». Отголоски идей Фёдорова будут не раз встречаться в работах В. И. Вернадского и в художественных произведениях А. Платонова. Главная тема Фёдорова – это мотив воскрешения, или, говоря иначе, выход за пределы земного бытия, обращение природы вспять. Развитие этой идеи шло в разрез с традиционными установками христианской религии, православными представлениями о мире и во многом с научной логикой мышления.

Человек в очередной раз пытается встать на высшую ступень эволюции и разума, одновременно сравнивая, а порою и просто ставя себя выше Бога. Постоянно забывая, к чему привело строительство вавилонской башни. Если человек

– высшая форма жизни, то почему он не в состоянии объяснить все законы мироздания, или повторить то, что часто описывалось в Библии. Получается, что человек – это всего лишь механизм, приводящий в движение исключительно собственную жизнь. Он является не более чем сложным компонентом в социальной пирамиде и простейшим атомом во Вселенной: «... все человечество, вместе взятое, представляет ничтожную массу вещества планеты. Мощь его связана не с его материей, но с его мозгом» [1, 174].

Тема воскрешения не может быть совокупной – она индивидуальна для каждого человека, а вот интерес к поиску методов перемещения в пространстве и времени вполне закономерен. Возникает вопрос: зачем это нужно и какие задачи человечество сможет решить на этом пути?

В своей работе «Размышления натуралиста» В. И. Вернадский пишет о симметрии времени: «Время геометрически выражается в виде вектора – некоторого направления, причём можно различать два случая, резко друг от друга отличающихся: 1) вектор времени полярный, в случае необратимого процесса, когда направление АВ не равно ВА; процесс идёт в направлении АВ и не идёт в направлении ВА (А→В) и 2) вектор времени обычный, в случае обратимого процесса, когда процесс одинаково может идти и по направлению АВ, и по направлению ВА. <...> Оба типа векторов обладают симметрией, но полярный вектор не обладает центром симметрии, а обычный им обладает» [2, 25]. Прежде чем продолжить тему о симметрии времени, нужно обратиться к представлениям о биосфере В. И. Вернадского. Ключевым понятием в этой теории является «живое вещество», которое не раз будет использовано А. Платоновым в художественных произведениях, правда, в несколько ином звучании – «вещество существования». Вернадский «ввёл вместо понятия “жизнь” понятие “живого вещества”», которое ему казалось «прочно утвердившееся в науке» [1, 146]. Он полагал, что «понятие “жизнь” всегда выходит за пределы понятия “живое вещество” в области философии, фольклора, религии, художественного творчества», активно придерживаясь позиции, что «это всё отпало в “живом веществе”» [1, 146].

Намерение героя «побыть в смерти и вернуться» изображено в «Чевенгуре»: «Созерцая озеро годами, рыбак думал всё об одном и том же – об интересе смерти. <...> Через год рыбак не вытерпел и бросился с лодки в озеро, связав себе ноги веревкой, чтобы нечаянно не поплыть. Втайне он вообще не верил в смерть, главное же, он хотел посмотреть – что там есть: может быть,

гораздо интересней, чем жить в селе или на берегу озера» [5, 22]. Это и есть те случайные причины смерти, о которых писал В. И. Вернадский, или здесь воплощены убеждения самого Платонова? На данный момент не существует однозначного решения этого вопроса. Платоновский принцип «туда, и обратно» созвучен схеме В. И. Вернадского: «Существует непрерывная миграция атомов из биосферы в организмы, и обратно» (здесь стоит сделать поправку на то, что в учении о биосфере различают живые естественные тела и косные естественные тел. Цитата из работы Вернадского связана с живыми, естественными телами).

В 1933 году был арестован П. Флоренский. В ссылке он начинает научно-исследовательскую работу, которая тематически входила в область научной деятельности В. И. Вернадского. Русский богослов знакомится с работами Вернадского, в частности, с его учением о биосфере и ноосфере. П. Флоренский всегда считал, что все законы мироздания имеют божественное начало, в отличие от В. И. Вернадского, который всегда говорил о себе, что он «философский скептик». Несмотря на это, «Флоренский, в частности <...> писал: “Большинство мыслей, им (В. И. Вернадским, – А. К.) высказанных, очень созвучны мне, я думал о том же, хотя подходил с несколько иных отправных пунктов ...”» [3, 195]. Символична следующая запись В. И. Вернадского: «Все эти организмы неразрывно и непрерывно связаны – прежде всего питанием и дыханием – с окружающей их материально-энергетической средой. Вне её в природных условиях они существовать не могут» [1, 144]. Интерес к этой мысли обусловлен присутствием слова «дыхание», которое может работать в поддержку теории П. Флоренского о пневмосфере: «Под влиянием лекций В. И. Вернадского в Сорбонне (1922–1925) Тейяр де Шарден и Леруа ввели понятие ноосферы, которую они рассматривали как духовный покров Земли. 21 сентября 1929 года П. А. Флоренский написал В. И. Вернадскому письмо, где высказал мысль «о существовании в биосфере, или, может быть, на биосфере, того, что можно было бы назвать пневмосферой, т. е. о существовании особой части вещества, вовлечённой в круговорот культуры или, точнее, круговорот духа» [3, 194–195]. Написав в своём письме: «В частности, мне представляется чрезвычайно многообещающим высказываемое Вами положение о неотъемлемости от жизни того вещества, которое вовлечено (или, может быть, точнее сказать, просто участвует)

в круговорот жизни» [3, 195], П. Флоренский продолжает строить свою философскую надстройку для учения В. И. Вернадского о ноосфере и биосфере, раскрывая идею о пневмосфере более подробно: «У платоника Ксенократа говорится, что душа (т. е. жизнь) различает вещи между собою тем, что налагает на каждую из них форму и отпечаток – μορφή χαίτηρος. Епископ эмесский Немезий указывает, что при разрушении тела его «качества – ποιότητες – не погибают, а изменяются». Григорий Нисский развивает теорию сфрагидации – наложение душою знаков на вещество. Согласно этой теории, индивидуальный тип – εἶδος – человека, подобно печати и её оттиску, наложен на душу и на тело, так что элементы тела, хотя бы они и были рассеяны, вновь могут быть узнаны по совпадению их оттиска – σφραγίς – и печати, принадлежащей душе. Таким образом, духовная сила всегда остаётся в частицах тела, ею оформленного, где бы и как бы они ни были рассеяны и смешаны с другим веществом. Следовательно, вещество, участвовавшее в процессе жизни, и притом жизни индивидуальной, остаётся навеки в этом круговороте, хотя бы концентрация жизненного процесса в данный момент и была чрезвычайно малой. <...> С своей же стороны хочу высказать мысль, нуждающуюся в конкретном обосновании и представляющую скорее эвристическое начало. Это именно мысль о существовании в биосфере, или, может быть, на биосфере того, что можно было бы назвать пневмосферой, т. е. о существовании особой части вещества, вовлечённой в круговорот культуры или, точнее, круговорот духа. Несводимость этого круговорота к общему круговороту жизни едва ли может подлежать сомнению» [3, 198]. Самое интересное то, насколько принял эту научную позицию сам Вернадский, который относился к религии довольно не однозначно.

Теорию В. И. Вернадского о ноосфере и биосфере можно представить в виде сложной моноструктуры, эволюция которой протекает в соответствии с теорией о симметрии времени. П. Флоренский вводит в структуру мироздания линейное измерение, тем самым разграничивая такое свойство времени, как симметричность, т. е. в моноструктуре Вернадского работает вектор времени полярный, а в пневмосфере Флоренского работает вектор времени обычный. Особенностью пневмосферы является то, что она может выступать научным обоснованием целого ряда древних богословских концептов, например, рай. Поэтому тема воскрешения – это

не столько возвращение назад (во времени и пространстве), что актуально для естественников, сколько разрушение границ между пневмосферой и ноосферой/биосферой (стирание границ между духовным и материальным). Речь идёт о совместном сосуществовании различных «веществ». В этом вопросе одним из ключевых понятий является эфир. В. И. Вернадский напишет: «Ещё при жизни Ньютона для объяснения явлений света в научную мысль Х. Гюйгенсом было введено понятие эфира, непрерывно заполняющего всё пространство. Движение материальных тел системы мира должно происходить в эфире» [2, 40]. Также «Фарадей представлял себе эфиром заполненное пространство проникнутым правильно распределёнными, опытом выделяемыми линиями сил» [2, 41].

Платонов выдвигает собственную точку зрения относительно эфира и помещает её в повесть («Эфирный тракт»). Наибольший интерес представляет следующая выдержка из работы В. И. Вернадского: «Здесь, наряду с динамизмом неоднородного пространства, выявляется новое его общее свойство – его анизотропность. Ещё больше, Пастер указал на резко своеобразное свойство пространства, охваченного жизнью. Он нашёл, что в этом пространстве отсутствует сложная симметрия, а простая симметрия определённым, закономерным образом нарушена – диссимметрична» [2, 42]. Результаты исследования Пастера говорят о том, что принцип обратной перспективы это не просто теория, а реальность. Вместе с тем пневмосфера (П. Флоренского) получает дополнительную поддержку, укрепляя своё право на существование и признание в академических кругах.

Можно предположить, что Платонов не только читал Флоренского, но и его сочинения. Об этом свидетельствует фраза из «Истории иерея Прокопия Жабрина»: «Иерей Прокопий жил не спеша, всегда в одинаковой температуре, твёрдо, как некий *столп и утверждение истины*» (курсив наш, – А. К.) [6, 121]. Собственно, название книги Флоренского воспроизводит библейскую дефиницию церкви в первом послании Тимофею от св. Апостола Павла» [1 Тим 3:15]. Все представленные смысловые оттенки находятся в одном семантическом поле, но вместе с тем остаётся открытым вопрос – какое значение в это выражение вкладывал сам Платонов (в своём рассказе). Мы предполагаем, что Платонов ссылается на смыслы П. Флоренского, нежели на сюжет библейского текста. Единственный аргумент, на который мы можем опереться – это слово «твёрдо» (в приведённой выше цитате из

рассказа Платонова), которое прекрасно стыкуется с такими словами, как *дух* (твёрдый духом) и *вера* (твёрдая вера). Если между Платоновым и П. Флоренским присутствуют гипотетически установленные связи, то в рассказе «Сокровенный человек» обратная картина, в которой прослеживается пересечение мыслей и А. Платонова и В. И. Вернадского: «— Хоть бы автомат выдумали какой-нибудь: до чего мне трудящимся быть надоело! — рассуждал Фома Егорович, упаковывая в мешок пищу: хлеб и пшено» [6, 6]. У Вернадского: «Если бы мы когда-нибудь смогли логически разобрать художественные вдохновения гения или конструктивное созерцание и мистические экстазы религиозных и философских строителей или творческую интуицию учёного, мы, вероятно, смогли бы — как хотел Лаплас — выразить весь мир в одной математической формуле. Но эти области никогда не могли поддаться логическому выражению, войти целиком в рамки научного исследования, как никогда человек целиком не мог быть заменён простым автоматом» [1, 68].

«XX век есть век научного атомизма» — именно так выразил свою мысль В. И. Вернадский, работая над статьей «Ноосфера и биосфера». Учение о живом веществе и его эволюции было очень популярно в начале XX века. Научная мысль создавала новую эмпирическую модель мироздания, разрушая многовековые религиозные постулаты.

Самая известная научная гипотеза того времени находит своё отражение в ряде художественных ранних произведений Платонова. Проекция сюжетной линии образуется не в рамках философской системы писателя, а формируется на стыке двух идей — учении В. И. Вернадского (ноосфера/биосфера) и гипотезе П. Флоренского (пневмосфера). Платонов создаёт сложную систему координат, художественное измерение которой должен выполнять псевдомир. Движение в этом мире происходит по кругу, тем самым сохраняя мотив возвращения (например, роман «Чевенгур», повесть «Котлован»). В рамках такого метода автор произведения должен восприниматься как интерпретатор научных и социальных идей, а не философ.

Новая художественная проекция потребовала от Платонова создания образов персонажей, которые совершали свой жизненный цикл инстинктивно, разрешали вопросы выбора с опорой на сферу чувств. Герои Платонова обращены не столько к преобразованию мира (строительство новой истории), сколько к двум «ощущениям» мира: духовный апокалипсис и утрата

смысла жизни. Поэтому отражённую (в основных его текстах) реальность можно рассматривать как сложный социальный эксперимент.

В художественных произведениях Платонова часто встречается слово «вещество». В повести «Эфирный тракт» писатель даёт своё объяснение этой категории: *«атом, как известно, колония электронов, а электрон есть не только физическая категория, но также и биологическая — электрон суть микроб, то есть живое тело, и пусть целая пучина отделяет его от такого животного, как человек: принципиально это одно и то же!»* [4, 487]. Внимание писателя акцентируется не столько на строении «вещества», сколько на поиске точки перехода в эфирное пространство: *«Как технически создать эфирный тракт — дорогу эфиру?..»* [4, 494]. Вот авторские размышления, вобравшие в себя утверждения Вернадского и Флоренского: *«эфир (то, что я называл выше “генеральным телом”) есть кладбище электронов. Эфир есть механическая масса умерщвлённых или умерших электронов. Эфир — это крошево трупов микробов — электронов. С другой стороны, эфир не только кладбище электронов, но также мать их жизни, так как мёртвые электроны служат единственной пищей электронам живым. Электроны едят трупы своих предков. <...> Эфир, как установлено наукой, необычайно инертная, не реагирующая, лишённая основных свойств материи сфера. <...> эфир «лишён» свойств материи, ибо между человеком и живым микробом — электроном — с одной стороны, и эфиром — с другой, есть принципиальное различие. Первые — живы, второй — мёртв. Я хочу сказать, что «непознаваемость» эфира скорее психологическая, чем физическая задача»* [4, 492–493].

Итак, можно с уверенностью сказать, что идеи двух представителей русского космизма не только восприняты Платоновым (об этой связи писали Н. Малыгина, К. А. Баршт, А. Бальбуров), но и были переосмыслены писателем. Приведённые цитаты иллюстрируют одновременное пересечение представлений Платонова с гипотезой П. Флоренского (пневмосфера) и В. И. Вернадского (косное вещество). Становится очевидно, что Платонов, также как и П. Флоренский, разграничивает сферы жизни, в отличие от В. И. Вернадского, который видит жизнь в сложной эволюционирующей моносистеме.

В повести «Эфирный тракт» «работает» космологическая гипотеза П. Флоренского (пневмосфера), которая находит своё художественное выражение в книге «Песнь Аюны» и в комментариях к ней — «Генеральном сочинении» (в «Эфирном тракте» её читает Мария Александровна

Кирпичникова). Создавая эту повесть, Платонов, стремился показать единство обеих точек зрения, явно указывая на то, что они не могут существовать в отрыве друг от друга (одно есть логическое продолжение другого). Создать «дорогу эфиру» может «электромагнитное русло». Такое решение возможно в научной фантастике, но не в реальном мире. Поэтому одним из приоритетных направлений поиска писателя было выявление эквивалента «электромагнитного русла», устанавливающего связь между сферами идей Вернадского и Флоренского. Стоит отметить, что П. Флоренский характеризовал пневматосферу как порождение духовного бытия. В истоках физических законов земного мира, по его мысли, стоит божественное начало. Опираясь на эти факты, можно предположить, что в своих произведениях 1920-х гг. Платонов искал форму перехода между миром реальным и миром духовным.

Одним из самых ярких феноменов в русской православной культуре можно считать юродство Христа ради. Это явление нашло своё отражение и в русской художественной литературе (например, в текстах Ф. М. Достоевского (*Блаженный Иван Яковлевич*), В. Распутина (*Богодул*). Житие юродивого созвучно платоновскому коду «и так и обратно» в силу того, что юрод живёт и так (днём похабник) и обратно (проводит ночь в молитвах Богу). Все главные герои платоновских произведений – юродивые, судьбы которых тесно переплетаются с библейскими мотивами (например, Назар Чагатаев из повести «Джан»). Можно предположить, что Платонов воспринимал юродивого как возможную форму проникновения в духовное измерение бытия – пневматосферу П. Флоренского. Одной из характерных особенностей юродивого является то, что он может одновременно созерцать мир реальный и мир духовный (божественный). Приведём пример из повести «Котлован», где главный герой (Воцев) вместе со всеми строит «общий дом пролетариату» (работает над «веществом существования») и вместе с тем созерцает «чисто-

плотные лица святых», которые «с выражением равнодушия глядели в мёртвый воздух, как жители того, спокойного света» [4, 95]. Двухнаправленность созерцания мира определяется тем, что «истина о мире уже приоткрыта его героям, поскольку она определяется совокупностью заведомо известных значений» [4, 113]. С нашей точки зрения, в пневматосфере и ноосфере (/биосфере) работает *вектор времени полярный*, а «электромагнитное русло» Платонова, выступающее точкой перехода между сферами, использует *вектор времени типичный*, определяющий течение исторических событий от начала к концу.

Предвидения русских космистов повлияли на космологическую мысль Платонова. Результатом этого воздействия стало одно из лучших научно-фантастических произведений – «Лунная бомба» (1928).

#### БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский; сост. В.С. Неаполитанская, А. А. Косоруков. – М. : Наука, 1989. – 261 с.
2. Вернадский, В. И. Размышления натуралиста / сост. М. С. Бахракова, В. С. Неаполитанская, Н. В. Филиппова. – М. : Наука, 1975. – 174 с.
3. Переписка В. И. Вернадского и П. А. Флоренского // Новый мир. – 1989. – №2.
4. Платонов, А. П. Котлован. Ювенильное море : повести / Андрей Платонов. – М. : АСТ : Астрель; Владимир : ВКТ, 2011. – 473, [7] с.
5. Платонов, А. П. Впрок: Проза / сост. М. Платоновой; вступ. статья Т. Шехановой. – М. : Худож. лит., 1990. – 655 с.
6. Платонов, А. П. Живя главной жизнью / сост., послесл. и прим. В. В. Васильева; Ил. Н. Г. Раковской. – М. : Правда, 1989. – 488 с., ил.

•••••

*Куранов Александр Олегович, ассистент кафедры ФИДР УлГТУ.*